
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЕЕ КЛАССИКИ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ УИЛЬЯМА САРОЯНА

НАТАЛИЯ ХАНДЖЯН

Глубоко заинтересованная обращенность одного из классиков американской литературы XX века Уильяма Сарояна – как читателя и писателя – к миру русской классической литературы многократно засвидетельствована, в разное время и в разных формах, на страницах целого ряда его произведений. Это и имена, и очень выразительные детали, штрихи, ассоциации, которые вписываются в контекст таких его рассказов, как «Отважный юноша на летящей трапеции» (здесь символически звучит имя Достоевского), «Сами идите воевать» («Я большой почитатель Достоевского и Толстого, Тургенева и Чехова, Андреева и Горького», – говорит здесь Сароян устами своего героя), названный по Толстому рассказ «Война и мир» (где произошедший в душе героя перелом связывается с чтением толстовского романа), рассказы «Сестра милосердия, ангел, дочь игрока», «Мои ботинки» и др. Это и многие разнохарактерные записи, высказывания в принимавших свободные формы книгах автобиографической, мемуарной, эссеистической, дневниковой прозы Сарояна. К примеру, в одной из этих книг («Велосипедист в Беверли-Хиллз») читаем: «На фотографиях моего отца я видел писателя, а потом прошло время, и я увидел фотографии Ги де Мопассана, Чарльза Диккенса и Антона Чехова, и каждый раз, взглядываясь в их лица, я удивлялся, как сильно похож на них мой отец. Я никогда не знал его и не знал их, но и они тоже, каждый в свое время и все вместе стали моими отцами, так же фактически, как стали и все писатели, книги которых я полюбил». Вот еще запись из дневниковой книги «Дни жизни, смерти и бегства на Луну»: «Когда я думаю о писателях, из века в век самозабвенно, упорно совершающих свой труд, я говорю о них: «Проклятые дураки они все и глупцы, безумцы и дети», но уже в следующее мгновение я рассуждаю иначе: “Нет, они ангелы, они герои, они счастливыцы” <...> Да, это редкая удача и счастье – быть писателем, верить, что ты призван что-то сказать, и упорно преодолевать в себе ежедневный соблазн считать подобное толкование ложным <...> Возьмем пример по признаку географически-национальному. Россия и – Гоголь, Пушкин, Достоевский, Толстой, Тургенев, Чехов, Горький, а с ними еще много и много других <...> Это поистине захватывающе в своей красоте: целое племя людей, подвижнически овладевающих новой, высокой идеей духа. И где-то среди самых напряженных усилий, среди героической борьбы этих людей мы слышим взрывы их невероятного смеха. Есть нескончаемая шутка во всех великих произведениях русских писателей; удивительным образом она обнаруживается потом и в их менее значительных

произведениях. Понимание *шутки* как чего-то важнейшего, главного в человеческой жизни и составляет, быть может, одну из причин непреходящего обаяния русской литературы, даже тогда, когда читаешь ее в переводах, а мне только так и приходилось ее читать»¹. Размышления с адресацией в них к русским классикам (Достоевский, Толстой, Чехов, Бунин) встречаются и в этой, и в других книгах позднего Сарояна. Знание и понимание им мира русской литературы, восприятие его как эмоционально, духовно, нравственно родственного проявляется и в прямых высказываниях Сарояна в заметках, беседах и интервью, опубликованных в Армении и в большинстве своем состоявшихся на армянском языке. Не владея письменным армянским, Сароян, однако, прекрасно пользовался устным, и в два последних его приезда в Армению – в 1976-м и в 1978-м (в год его 70-летия) – все разговоры с ним велись по-армянски. Материал таких разговоров и публикаций собран в изданной на армянском языке в 1999 г. в Ереване книге «Вильям Сароян. Рассказы, интервью, эссе, воспоминания». Относящееся в этом материале к русской литературе в переводе с армянского представлено настоящей публикацией. В переводе в какой-то степени сохраняется особенность разговорной армянской речи Сарояна в непосредственном, свободном общении с аудиторией или интервьюером, даются некоторые пояснения.

Из интервью Карику Пасмаджяну (1975)

К публикации в являющейся нашим источником книге дано следующее примечание: «Интервью впервые публиковалось в журнале «Советакан гракнунтюн» («Советская литература». – Н. Х.). Его по предложению редакции провел в Париже поэт Карик Пасмаджян. «Интервью, – писал К. Пасмаджян редакции, – имело место 25 мая 1975 г. у меня на квартире, с 8 часов вечера до 11.30-ти. До этого в течение дня мы вместе были на обеде, который давали армянские писатели Франции, затем в армянской церкви, на венчании. Язык интервью английский, есть места, где Сароян говорил по-армянски. Беседе я записал на трехчасовую кассету» (с. 131).

Кого из классиков вообще читаете или перечитываете?

Больше всего люблю читать русских писателей. Читаю по крайней мере раз в год. Особенно Чехова и Тургенева. Люблю философские размышления Толстого, люблю его старание [направленное] к совершенствованию рода человеческого. Это фантазия, которая возможна только у такого, как Толстой, человека. Никто никого не может усовершенствовать. В лучшем случае себя самого. Толстому не удалось усовершенствовать себя самого.

Есть у меня старое издание, 1901 года, переведенных с русского рассказов. Из него люблю «Шинель» Гоголя, «Пиковую даму» Пушкина. У русской литературы есть некое качество, дающее удовлетворение высоким душам, это

¹ Обе цитаты приведены по статье: **Н. А. Гончар**. Уильям Сароян в отношении к литературной классике // «Вестник Ереванского университета». Общественные науки. 1992, № 2, с. 94.

целомудрие, искренность, непосредственность, снисхождение к слабому, к ошибке, неудаче, сочувствие к робости и безумию, симпатия к смешному и, наконец, какая-то глубокая, очень глубокая любовь (с. 136).

.....

Кроме Шервуда Андерсона, кто еще на ваше творчество воздействовал?

Марк Твен и Уолт Уитмен. Ги де Мопассан толкнул меня в литературу. Школьником, в 14 лет, я прочитал в библиотеке рассказ Мопассана «Колокол». Это и сделало меня писателем. Мне, 14-летнему, Мопассан сказал: «Рассказывай свое, как оно есть, без пристрастия». Потом произвели впечатление «Приключения Гекльберри Финна». ***Из Чехова – всё*** (курсив наш. – Н. Х.).

.....

<...> Ни один писатель не лучше меня, назовите кого хотите, будь то Беккет, Джойс или другой. Не забудем и то, что Беккет и Джойс своей эрудицией, громадной образованностью, словами с двойным дном, игрою слов, остротами и критикой увлекают только сноба или специалиста, а мы остальные оказываемся вне этого или же вынуждены пользоваться путеводителем (т.е. комментарием. – Н. Х.). Чтобы прочесть книгу, для меня вроде бы написанную, путеводителя не нужно. На что он мне? И все-таки нельзя не признать, что в своем роде они величины крупные. Но я не могу их читать, как читаю русских, пусть даже в переводе, или как читаю Мопассана.

На встрече в Союзе писателей Армении, 1976 г., октябрь

Кого любите из русских писателей?

Русская литература очень важная большая часть для читающих во всем мире, потому что у русских есть такие люди, с такими душами люди, каких у других народов (наций) нет. Ряд литератур есть, одна – английская, вторая – мне кажется, должна быть русская, третья – французская, четвертая – немецкая, пятая – армянская. Но года не проходит, чтоб я не утешал себя, читая русских писателей – в переводе. Каждый год я должен читать русских писателей. Если спрашиваешь про [время] после революции, то и среди них есть, но больше всего я люблю вот этих: Гоголь, Пушкин, Лев Толстой, Достоевский. Такого, как Чехов, мастера коротких рассказов нет. Один еще есть мастер, француз, Ги де Мопассан. У Чехова есть сочувствие, у Мопассана есть только плоть, разницу понимаешь? Но плоть великолепная. Новых русских писателей читаю в переводе, но немного. Объясню, почему немного. Я хочу знакомиться с переводами из литературы всего человечества, потому что я другого языка не знаю, читаю только на английском. Все интересно. Очень нравится Исаак Бабель, Зощенко, который умер (и Бабель умер). Их очень люблю. И тех, кто сегодня пишет, читаю, знакомлюсь. Но мне, наверно, позволено, – потому что читал я их еще мальчиком, – каждый год заново обращаться к тем, великим из старых. И к Андрееву, к Тургеневу. Андреев, если сравнивать, меньше Тургенева и остальных. Невозможно, чтоб кто-то любящий литерату-

ру, не почитал и не любил русскую литературу. Да, всегда читаю. И переводы из нее удачные, приятно читаются.

Из русских писателей с кем лично знакомы?

<...> Был у меня приятель, я написал о нем – короткий рассказ, называется «Русский писатель»², – так вот он говорил мне: «Уильям Сароян, ты сам не понимаешь, что написал, я понимаю, что ты написал» и так далее, и так далее. Это был мой приятель... Не писатель, артист. Ну вот. Когда Илья Эренбург приехал в Париж, за год, наверно, до смерти, я уже читал его мемуары. Поздоровались, побеседовали. Хороший был человек, милый человек. Стараюсь подумать, вспомнить, есть ли еще знакомые. Кашкина знал, в 1935-м, переводчика Хемингуэя, хороший человек, умел пошутить. Знаю Катаева, провели с ним время и в 1935-м, и снова в 60-м, когда он приезжал в Париж.

Мало с кем я знаком, очень мало. Разделены мы, далеко друг до друга. Когда кто-то приезжал в Америку, меня там не было. Так что писателей я больше знаю по их переведенным произведениям, а не лично.

«Самое важное – понять, кто ты...»³

(Из беседы, состоявшейся 22 октября 1976 г.)

Л.Мкртчян. Варпет, Достоевский много писал о детях. Он считал, что по тому, как живут дети, можно представить, как живет общество. Он говорил также, что дети улыбаются бессознательно, они в свою улыбку смысла не вкладывают. Их улыбка только из света, а у взрослого человека улыбка из света и тени. Что скажете об этом?

<...> Его постижения были раньше, чем у самого крупного из мира венской мысли, имя которому Фрейд. Достоевский раньше, он удивительно понял и показал то, о чем ты сейчас говорил, и вообще он был чудо какой силы. Христианство у него чрезвычайно интересно – то, что он вечно себя самого считал грешным, но стремился к греху, ты понимаешь, стремился совершить грех, до безобразия дойти. Это очень интересно. Я не могу тебе это высказать, ты эти вещи знаешь, а теперь вернемся. Пожалуйста, скажите мне, особенно Левон Мкртчян, есть ли армяне (я сам ведь не могу читать и не знаю), есть ли среди них кто-то, кто приближается к Достоевскому? <...>

Интервью по дороге в Гарни (З. Балаяну, ноябрь, 1976)

Известно, что за пьесу «Время твоей жизни» Вы получили премию нью-йоркских критиков. Как сейчас относитесь к критике?

Я лично не только могу обойтись без критики, но и обхожусь со всею радостью. Думаю, что в каком-то смысле и литература без нее проживет, чего не

² Имеется в виду рассказ «Русский певец» // Уильям Сароян. Декларация писателя и 25 рассказов. Ер., 2003, с. 97-101.

³ В беседе участвовали поэты В. Давтян, Р. Давоян, литературовед Л. Мкртчян, прозаик М. Мнацаканян.

скажешь о критике, которая вряд ли сможет существовать без литературы. В те далекие времена, когда создавались «Илиада» и «Одиссея», критики как таковой еще не было. И ничего, наверняка старик Гомер ослеп не от этого. Что касается меня, то, признаюсь, люблю, когда хвалят, и не страдаю, когда ругают. Этим, как и многим другим, мне бесконечно близок и симпатичен великий Чехов, у которого я учился, трудно выразить это точно, ну, скажем, быть деликатным. Он считал, что на критику не отвечают. Замечательный принцип <...>

Кроме Чехова, кто из русских и советских писателей наиболее, как вы сказали, близок и симпатичен вам?

Кроме Чехова? Прежде всего он – Чехов. Он сопутствует мне всю жизнь. До сих пор очень часто его перечитываю. Все в нем вызывает зависть, в хорошем смысле этого слова... У него тонкая душа, тонкий лиризм, тонкая искренность, у Чехова даже непримиримость и мужество тонкие⁴...

<...>***Как относитесь к спорту?***

Мир спорта замечательный материал для литературы. В этом смысле можно позавидовать Джеку Лондону и Хемингуэю. Из русских я бы назвал Куприна.

<...>***Как относитесь к кинематографу и телевидению?***

<...>Ошибается тот, кто думает, что нас сейчас читают меньше. И бояться надо не телевидения, а серости, пошлости, бездарности. Мне кажется, футурологи зря поднимают сегодня вопрос о месте литературы и телевидения в будущем. По мне, ни сейчас, ни через тысячу лет ничто не заменит «Шинель» Гоголя.

На встрече со студентами и преподавателями

Ереванского государственного университета, 16 октября 1978 г.

Кого из русских писателей особенно любите?

Русская литература, вообще русская литература, и советская, которая ее часть, всегда имела для меня то особенно важное значение, какое имеет дом, семья. Когда чувствую тоску по людям большой души, читаю произведения русских, потому что в их произведениях всегда есть большая душа. И как только откроешь книгу, как только начнешь читать хороших русских писателей, сразу же

⁴ О восприятии Сарояном личности и творчества Чехова красноречиво говорит следующий пассаж из его книги «Не умирать» (Not Dying. N.Y., 1963): «... возьмем Антона Чехова, другого писателя (до этого речь шла о Диккенсе. – Н. Х.), сочетавшего в отточенном стиле глубокую печаль и великолепный юмор. Всю жизнь он болел, и хотя сам был врачом, а сразиться и справиться со своей болезнью не мог. Не скажу, что он питал отвращение к бытию человеческому. Без этого не обошлось, наверное, как у всех у нас не обходится, но в то же время было у него и пристрастие к этой жизни, ко всему, что повседневно ее наполняет, только, может быть, меньшее, а скорее всего иное, нежели то, какое у большинства из нас.. Он ничего не делал для того, чтобы отсрочить смерть, отсрочить неизбежное, он просто писал свои чудесные рассказы и пьесы. Он совершил поездку на Сахалин, чтобы увидеть, как там живут люди, и ездил потом два раза на юг Франции. Так вот, мне бы хотелось, чтобы Антон Чехов нашел возможным или желательным рассказать нам немножко больше про самого себя, про бой, который вел и выдерживал он, потому что человек он был необыкновенный, на редкость, и хорошо бы нам сейчас знать побольше о том, каким он был в действительности, как переживал свою жизнь, как справлялся с непривлекательной реальностью каждого ее года и каждого дня» (см. **Н.А.Гончар**. Указ. соч., с. 93-94).

делается спокойно, ты попал в хороший мир, в хорошую семью – Толстой, Достоевский, Тургенев. И назову еще имена, известные: евреи, русские, Исаак Бабель – из Одессы, прекрасный писатель, много значит, люблю его вещи. В 1935-м Эдмунд Уилсон, самый крупный американский критик, и я стояли вместе [по случаю] русской революции 17-го года, и там давали нам водку, наша порция была вот такая, у всех такая же. Был там Катаев, Валентин Катаев и Кашкин, переводчик Хемингуэя. Подвыпили. Катаева люблю, интересный был человек. Но сейчас мне с моими понятиями особенно близок и нравится, хотя, может, вы и не согласитесь со мной, Чингиз Айтматов, потому что большая душа у него.

.....

– *Кто из писателей воздействовал на вас?*

– <...> Больше всего повлияли американские писатели. Это был Марк Твен, большая душа, и его самая великая, самая важная книга, которую знает весь мир – «Гекльберри Финн» <...> Уолт Уитмен. Первый народный поэт, говорил на языке народа, душой был народный. Я очень любил Джека Лондона <...>, прекрасный писатель, большой силы, большая величина. Шекспир, Толстой, Достоевский, и очень интересен мне в коротких рассказах Чехов. Всегда, всегда их читаю, русских в переводе.

«Чудесный источник вдохновения»⁵

Что можно сказать о солнце? А ведь Толстой и есть оно, солнце, на небосводе художества, литературы, в мире романов, рассказов, пьес, стихотворений, эссе, социологических трактатов, политических речей, дневников, писем. Само имя его стало синонимом мощи, многогранности и глубочайшей человечности, потому что в его творчестве все является выражением и претворением любви, в простых людях он увидел громадный смысл, разглядеть который мог лишь великий человек. И мы никогда не должны забывать, что в народе обнаруживал он ту простую мудрость, которая рождает величайшее искусство, – мудрость жить и жить, держаться, трудиться, верить, ценить жизнь, ценить весь род человеческий. Есть такие среди писателей, которые осуждают, бранят поведение и писания Толстого тех лет, когда он, уже написавший и издавший главные свои произведения, тратил свои силы на защиту интересов крестьян, на идеи обобществления всего производимого и вообще всякого рода богатства. Возможно, что Льву Толстому недоставало научной опытности в таких вопросах, но ошибкой было бы думать, что его пример, его проповедь утверждения справедливости не оказали огромного воздействия всюду, где условия были пагубными и для человеческой жизни, и для человеческого достоинства. Были люди от политики, которые высмеивали его, подтрунивали, поругивали за то, в частности, что он хотел завещать авторское право на все свои произведения не жене и детям, а всему русскому народу, и хотя исполнить это желание ему воспрепятствовали, никому нельзя забывать о ге-

⁵ Публиковалось в связи с 150-летием со дня рождения Л.Толстого на страницах ереванской «Гракан терт» («Литературная газета»), 1 сентября 1978 г.

роическом порыве, который шел у него от сердца, к глубоко любимому им народу.

Меня всегда захватывали, восхищали воспоминания Максима Горького о его встречах со Львом Толстым. Максим Горький со всею открытостью говорит, что человеческая мощь Льва Толстого словно бы превращала его в исполина, и Горький просто не в силах скрыть свою любовь к белобородому старому патриарху.

Мы рано начали читать Толстого и будем читать его до последнего, в английских переводах. Мой дядя Мигран, младший брат моего отца Арменака, в 1920-м поставил спектакль по толстовскому рассказу «Чем люди живы», и сам в этом спектакле играл. Миграну было тогда, наверное, тридцать два года, а мне – двенадцать. Но спектакль был не на английском, а на армянском, и Мигран сам это перевел, не с русского, а с английского.

Спектакль состоялся в зале Лекционного клуба, находившегося на улице Ван-Нес во Фрезно, и вход был свободный. Зал был переполнен, зрители стояли в проходах, под стенами. И хотя вечер был жаркий, зал толком не проветривался, все, однако, смотрели и слушали всецело поглощенные, с чувствами уважения и восхищения как в отношении Толстого, так и его фрезненского ученика, битлисца Миграна Сарояна. Постановщик, актеры, зрители – все они были просто-напросто дилетанты, но именно того рода люди, которые и составляют плоть и кровь как жизни, так и литературы. Созданные Львом Толстым литературные шедевры никогда не померкнут, но, возможно, столь же важна его человечность, с учетом даже каких-то эксцентричностей в его личной жизни, его подчас ужасных странностей, неутолимой жажды все испытать и понять. Толстовский пример того, как вмещает и несет в себе громаду духа то же тело, какое дано каждому рожденному на белый свет человеку, всегда будет чудесным источником вдохновения для всех – и для читателей, и для писателей. По правде говоря, не мы воздаем ему честь, а это он приносит нам честь. Мы не можем воздать ему должное, можем лишь отдаваться тому целительному свету, которым нас одаривает солнце его жизни⁶.

Пятница, 27 июля, 1978

Фрезно, Калифорния

⁶ В этой связи см. сарояновское эссе под названием «Гений», написанное по просьбе «Литературной газеты» к 50-летию со дня смерти Л.Толстого и опубликованное в ЛГ под рубрикой «Толстой и современность» 24 ноября 1960 г. Вот что, в частности, говорилось в нем: «Толстой представляется мне гигантом в области писательского искусства, но еще большим гигантом в искусстве гуманизма /.../ Своими книгами он приблизил к нам человеческую душу и показал ее в увеличенном виде, а мы знаем, что по сути дела она неизмерима, бесконечно изменчива и разнообразна во всех своих проявлениях. Из книг Толстого люди – и простые, и сложные – узнали свою истинную сущность, причем Толстой считал (и часто показывал), что сущность эта – у всех общая /.../ Его гений был гением всего человечества /.../ Толстой сыграл очень важную роль в моем формировании как писатель, но, пожалуй, он больше влиял на меня как живой человек. Его книги, так же как и книги других писателей, я читал довольно бессистемно, но зато о нем самом я прочел все, что только сумел достать, потому что мне необходимо было знать – какой он; когда же я узнал его, то полюбил еще больше /.../ Больше всего мне нравились его дневники, ибо в них он предстал передо мной как живой человек». Ср. со строками о Чехове в прим.4.

Ключевые слова – публикация, Сароян, интерес, чтение, мнение, русская литература, классики, ценный материал

ՆԱՏԱԼՅԱ ԽԱՆՋՅԱՆ – Վիլյամ Սարոյանը ռուս գրականության և նրա դասականների մասին – Վիլյամ Սարոյանը մշտապես մեծ հետաքրքրություն է ցուցաբերել ռուս դասական գրականության նկատմամբ: Այն շատ հոգեհարազատ էր գրողին: Այդ մասին վկայություններ կարելի է գտնել ինչպես նրա երկերում, այնպես էլ մի շարք ակնարկներում, զրույցներում ու հարցազրույցներում: Այս առումով հատկապես նշանակալի նյութ են պարունակում 1970-ական թթ. Հայաստանում Վ. Սարոյանի՝ հայերեն հարցազրույցերը և հայկական պարբերականներում ներկայացված հրապարակումները: Սույն հրապարակումով արժեքավոր այդ նյութը շրջանառության մեջ է դրվում ռուսալեզու գրականագիտության դաշտում:

Բանալի բառեր – հրապարակում, Սարոյան, հետաքրքրություն, ընթերցում, կարծիք, ռուս գրականություն, դասականներ, արժեքավոր նյութ

NATALYA KHANJYAN – William Saroyan on Russian Literature an It's Classics. – William Saroyan as a reader and writer always had a particular affection for Russian classical literature, the personalities and works of Pushkin, Gogol, Tolstoy, Dostoevsky, Chekhov and others. We can see evidence of it in a number of Saroyan's works, as well as in his notes, talks, interviews. The material of greate interest from this point of view had been generated in Armenian language (in 1975-1978). The publication of fragments from this valuable material in translation from Armenian into Russian serves a purpose to put it in the current of Russian literary criticism.

Key words: publication, Saroyan, affection, reading, opinion, Russian classics, valuable material